

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ^{х)}

Современные проблемы социально-экономического развития республик Средней Азии в основном совпадают с проблемами, характерными для всего советского общества на нынешнем этапе его развития. Это — проблемы приведения производственных отношений в соответствие с достигнутым к настоящему времени состоянием производительных сил и согласования институциональной и идеологической надстройки с перестраивающимся экономическим базисом с целью создания наилучших условий для раскрытия и реализации возможностей социализма.

В то же время среднеазиатские проблемы имеют и свои весьма существенные особенности, которые позволяют говорить об отставании этого региона от большинства республик и экономических районов страны. Термин "отставание" употреблен здесь не в переносном смысле для обозначения того, что какие-то показатели здесь "хуже", чем в других местах, а в прямом. Средняя Азия находится на более низком по сравнению почти со всеми другими регионами СССР, этапе исторического развития. Это отставание имеет множество различных проявлений, но фундаментальное значение имеет прежде всего бóльшая, чем где бы то ни было, незавершенность трех важнейших социально-исторических процессов: индустриализации, урбанизации и демографической революции. Такая незавершенность, в свою очередь, обуславливает нынешнее многообразие переходных процессов и промежуточных состояний в сфере экономики, общественного сознания, в семейно-бытовой сфере, во внутриполитической жизни региона и т.д.

^{х)} При подготовке настоящего доклада использованы уже имевшиеся разработки КЕПС АН СССР, а также материалы Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР, ряда других центральных и республиканских научных учреждений.

Отставание в индустриализации. Об отставании республик Средней Азии по уровню индустриализации красноречиво свидетельствует низкая, по сравнению с другими регионами и с СССР в целом, доля промышленности в структуре производства, занятости, производственных фондов и т.д. (см. табл. I, где для сравнения приводятся данные по стране в целом и по двум европейским союзным республикам).

Таблица I.
Отраслевая структура экономики Средней Азии в 1985 г., %

Отрасли народного хозяйства	Средняя Азия	в том числе республики				Белорусская ССР	Латвийская ССР	СССР
		Узбекская	Киргизская	Таджикская	Туркменская			
а) доля в валовом общественном продукте								
Промышленность	51,7	52,4	54,3	52,3	50,0	60,3	58,8	61,1
Сельское х-во	22,5	21,7	22,8	23,7	24,9	21,0	19,7	15,8
Прочие отрасли	25,8	25,9	22,9	24,0	25,1	18,7	21,5	23,1
б) доля в произведенном национальном доходе								
Промышленность	32,4	33,2	35,1	32,0	26,2	44,1	41,5	45,6
Сельское х-во	33,2	32,5	31,3	31,3	35,6	25,1	23,4	19,4
Прочие отрасли	34,4	34,3	33,6	33,6	38,2	30,8	35,1	35,0
в) доля в общем числе занятых в материальном производстве								
Промышленность	20,6	20,9	27,1	18,5	14,7	40,3	44,8	52,0 ^{х)}
Сельское х-во	52,1	52,0	45,0	57,0	54,7	30,3	21,0	27,4
Прочие отрасли	27,3	27,1	27,9	24,5	30,6	29,4	34,2	20,6
г) доля в производственных основных фондах								
Промышленность	36,2	35,2	40,4	41,0	36,5	46,8	37,9	48,8
Сельское х-во	33,7	34,1	33,2	32,0	25,7	28,7	26,7	20,3
Прочие отрасли	30,1	30,7	26,4	27,0	37,8	24,5	35,4	30,9
д) доля в капиталовложениях производственного назначения ^{хх)}								
Промышленность	32,8 ^{ххх)}	30,8	37,1	39,8	49,3	46,1	44,4	48,9
Сельское х-во	48,8 ^{ххх)}	53,7	32,8	38,9	34,3	24,6	24,7	25,4
Прочие отрасли	18,4 ^{ххх)}	15,5	30,1	21,3	16,4	29,3	30,9	25,7

х) Промышленность и строительство

хх) За 1981-1985 гг.

ххх) без Туркменской ССР

Не менее важно и то, что в структуре промышленности республик Средней Азии сравнительно низка доля тяжелой промышленности в частности машиностроения и высока доля легкой промышленности.

Таблица 2.

Отраслевая структура промышленности Средней Азии
в 1985 г., %

Отрасли промышленности	Средняя Азия	в том числе республики				Бело-рус-ская ССР	Лат-вий-ская ССР	СССР
		Узбек-ская	Киргиз-ская	Таджик-ская	Тур-кмен-ская			
а) доля в валовой продукции промышленности								
Машиностроение	15,1	15,3	26,2	10,2	5,4	32,3	26,6	27,4
Легкая	38,2	38,9	28,9	44,4	39,9	23,7	20,2	14,6
Пищевая	18,1	16,4	27,5	19,4	13,3	17,1	25,3	15,2
Прочие отрасли	28,6	29,4	17,4	26,0	41,4	26,9	27,9	42,8
б) доля в численности промышленно-производственного персонала								
Машиностроение	30,2	29,9	42,9	22,5	19,0	46,6	39,9	...
Легкая	29,8	29,4	23,8	37,7	33,1	18,0	18,3	...
Пищевая	9,6	9,0	9,9	10,9	10,8	7,4	12,0	...
Прочие отрасли	30,4	31,7	24,4	28,9	37,1	28,0	29,8	...

Отраслевая структура промышленности республик Средней Азии уже длительное время почти не меняется.

Таблица 3.

Отраслевая структура занятости в промышленности республик Средней Азии в 1965, 1975 и 1985 гг., %

	Узбекская ССР	Киргизская ССР	Таджикская ССР	Туркменская ССР
Машиностроение				
1965	29,9	31,7	16,5	16,7
1975	30,4	40,8	19,6	17,9
1985	29,9	41,9	22,5	19,0
Легкая пр-ть				
1965	30,1	25,7	42,3	32,7
1975	28,8	24,9	36,7	33,1
1985	29,4	23,8	37,7	33,1
Пищевая пр-ть				
1965	11,1	13,4	13,7	13,1
1975	9,8	10,7	12,8	12,1
1985	9,0	9,9	10,9	10,8

Отставание в урбанизации. Союзные республики Средней Азии принадлежат к числу республик с самой низкой долей городского населения.

Таблица 4.

Доля городского населения в республиках Средней Азии, %

Год	Средняя Азия	в том числе республики				Белорус- ская ССР	Лат- вийск. ССР	СССР
		Узбек- ская	Киргиз- ская	Таджик- ская	Туркм енская			
1939	23	23	19	17	33	21	35	32
1959	35	34	34	33	46	31	56	48
1970	38	37	37	37	48	43	62	56
1979	41	41	39	35	48	55	68	62
1986	41	42	40	33	47	63	71	66
1990		41	38	32	45	66	71	66

Дело не только в том, что в настоящее время доля городского населения в Средней Азии существенно ниже, чем в стране в целом и в большинстве ее регионов. Рост доли городского населения здесь явно замедлился, в Таджикистане и Туркмении эта доля даже снижается. Важное значение имеет также распределение городских жителей по поселениям разных размеров. Как видно из приводимых в табл.5 данных, в Средней Азии значительно слабее развиты формы крупногородского расселения. (см. табл.5).

В Средней Азии в целом, особенно же в Киргизии, Таджикистане и Туркмении очень высока доля малых городских поселений с населением менее 50 тыс. жителей. Зачастую в них сохраняются типичные черты сельских поселений и сельского образа жизни, многие из них лишь условно можно считать городскими. В то же время всего 26,2% населения региона живет в городах с населением свыше 500 тыс. и 36,7% - в городах с населением свыше 250 тыс. человек (в СССР в целом соответственно 32,7 и 46,2%). В Киргизии, Таджикистане и Туркмении вместе взятых всего 13 городов с населением свыше 50 тыс. человек, тогда как в Белоруссии их 20, хотя Белоруссия уступает этим республикам

Таблица 5.

Распределение городского населения по размеру городских поселений в 1959 и в 1986 гг., %

Городские поселения с числом жителей	Средняя Азия	в том числе республики				Бело-рус-ская ССР	Лат-вий-ская ССР	СССР
		Узбек-ская	Киргиз-ская	Таджик-ская	Турк-менск.			
<u>1959 г.</u>								
до 50 тыс.	43,7	33,6	59,1	52,9	59,5	44,6	36,8	40,4
50-100 тыс.	12,3	12,1	9,3	11,9	26,3	17,2	11,7	11,0
100-250 тыс.	24,6	20,3	31,6	35,2	24,2	17,7	-	13,8
250-500 тыс.	-	-	-	-	-	-	-	10,6
500 тыс. и более	19,4	34,0	-	-	-	20,5	51,5	24,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<u>1986 г.</u>								
до 50 тыс.	39,0	35,4	45,1	45,8	44,4	26,9	29,1	30,0
50-100 тыс.	6,3	4,8	3,9	7,9	14,7	11,2	10,0	9,6
100-250 тыс.	18,0	20,8	12,6	9,8	17,3	15,5	12,9	14,2
250-500 тыс.	10,5	12,2	-	-	23,6	22,5	-	13,5
500 тыс. и более	26,2	26,8	38,4	36,5	-	23,9	48,0	32,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

по численности населения, а ее территория в 4 раза меньше их совокупной территории.

Незавершенность демографической революции. Демографическая революция - это смена типа демографического воспроизводства, переход от относительного равновесия высокой рождаемости и высокой смертности к относительному равновесию низкой рождаемости и низкой смертности. На большей части территории СССР такой переход уже в основном совершился, в Средней Азии до его завершения еще далеко.

Сейчас Средняя Азия прошла большую часть пути от высокой к низкой смертности и по характеристикам этого процесса приблизилась к другим регионам СССР, хотя заметное отставание есть еще и здесь.

Таблица 6.

Смертность и продолжительность жизни населения
республик Средней Азии

	Средняя Азия	в том числе республики				Бело-рус- ская ССР	Лат-вий- ская ССР	СССР
		Узбек- ская	Кирг- гиз- ская	Тадж- жик- ская	Турк- мен- ская			
Общий коэффициент смертности, 1985 г., ‰	7,4	7,2	8,1	7,0	8,3	10,7	13,1	10,6
Коэффициент младенческой смертности, 1986 г., ‰	46,6	46,2	38,2	46,7	58,2	13,4	13,0	25,4
Средняя продолжительность жизни в годах, 1984-1985 гг.								
Городское население								
в т.ч. мужчины		63,7	64,2	63,2	60,9	68,4	65,8	63,8
женщины		71,9	72,6	71,1	69,9	77,4	74,7	73,3
Сельское население								
в т.ч. мужчины		65,3	61,8	68,1	61,7	64,8	61,2	61,0
женщины		70,4	69,0	71,1	66,6	76,0	73,0	71,6

Смертность населения Средней Азии, по крайней мере сельского, по-видимому, существенно занижена, а средняя продолжительность жизни завышена из-за неполного учета смертей. Показатели средней продолжительности жизни для городского населения более реалистичны, и они указывают на сравнительно неблагоприятную ситуацию в Средней Азии, так же, как и коэффициенты младенческой смертности. Что же касается низких значений общего коэффициента смертности, то что не должно вводить в заблуждение - они отражают просто более молодую возрастную структуру населения среднеазиатских республик. К сожалению, это не всегда осознается - даже специалистами-на местах. В материалах Комплексной программы научно-технического прогресса на 1991-2010 гг., подготовленных в республиках, можно прочесть, например, что "в Киргизии сохраняется относительно низкий уровень смертности, который

в 1,3 раза ниже, чем по стране в целом", а в Узбекистане "уровень смертности на 35,1% ниже, чем в целом по стране, и более, чем в полтора раза ниже, чем в европейских республиках страны".

Однако главное отличие республик Средней Азии от большинства других регионов заключается в сохранении очень высокого уровня рождаемости. Конечно, рождаемость у среднеазиатских народов сейчас ниже, чем она была, скажем, у русских или украинцев еще в 20-е годы нашего столетия, но по современным меркам она очень высока. В этом и проявляется прежде всего незавершенность демографической революции, которая, как показывает мировой и наш собственный опыт, начинаясь со снижения смертности, затем неизбежно приводит к коренным переменам в массовом демографическом поведении, к снижению рождаемости до уровня, соответствующего новому уровню смертности. Но в Средней Азии этого пока не произошло (см. табл. 7).

В 60-е годы в республиках Средней Азии наблюдалась тенденция к повышению показателей рождаемости для условных поколений. Позднее наметилась тенденция к их снижению, но все же уровень рождаемости остается высоким, в регионе появляется на свет более одной пятой всех рождающихся в стране детей. При относительно низкой смертности это приводит к небывало быстрому росту численности населения региона (См. табл. 8).

Наиболее быстро население Средней Азии росло в 60-е годы. Впоследствии темпы роста снижаются, но все же и сейчас они остаются весьма высокими, почти вдвое превышая общесоюзные, стремительно увеличивается абсолютная численность населения региона и его доля во всем населении страны (см. табл. 9).

Таким образом, с 1950 по 1987 гг. население региона увеличилось вдвое, или на 20,7 млн. человек, т.е. пережило настоящий "демографический взрыв", который не закончился еще и сейчас. Поскольку в боль-

Таблица 7.

Рождаемость населения республик Средней Азии

	! Средняя Азия	в том числе республики				Бело- рус- ская ССР	Лат- вий- ская ССР	СССР
		Уз- бек- ская ССР	Кир- гиз- ская ССР	Тад- жик- ская ССР	Турк- мен- ская ССР			
Общее число родившихся в 1985 г., тыс.	1109,6	679,1	128,5	182,7	119,3	16,7	39,8	5383,5
Общий коэффициент рождаемости в 1985 г., ‰	36,9	37,2	32,0	39,9	36,9	16,7	15,2	19,4
Число рождений на I женщину в условном поколении в:								
1958-1959 гг.		5,04	4,32	3,93	5,12	2,80	1,94	2,81
1969-1979 гг.		5,64	4,85	5,90	5,93	2,30	1,93	2,39
1984-1985 гг.		4,63	4,64	5,49	4,67	2,08	2,07	2,40
Число рождений к 35 годам на I женщину в реальном поколении:								
1939-43 гг.		4,04	3,47	3,85	4,29	1,82	1,53	2,00
1945-1949 гг.		3,96	3,21	4,09	4,12	1,83	1,63	1,95
1950-1954 гг.		3,96	3,30	4,39	3,95	1,81	1,72	2,02

Таблица 8.

Среднегодовые темпы прироста населения республик Средней Азии за 1950-1986 гг., %

Годы	Средняя Азия	в том числе республики				Бело- рус- ская ССР	Лат- вий- ская ССР	СССР
		Узбек- ская ССР	Кир- гиз- ская ССР	Тад- жик- ская ССР	Турк- мен- ская ССР			
1950-1959	2,9	3,1	2,2	3,1	2,7	0,6	0,8	1,7
1960-1969	3,4	3,5	3,3	3,6	3,3	1,0	1,1	1,3
1970-1979	2,8	2,9	2,0	3,0	2,7	0,7	0,7	0,9
1980-1986	2,6	2,7	2,1	3,0	2,5	0,7	0,7	0,9

Таблица 9.

Численность населения республик Средней Азии (тыс.чел.)
и доля региона в населении СССР, %

Годы	Средняя Азия	в том числе республики				Доля Сред- ней Азии в населении СССР
		Узбек- ская	Киргиз- ская	Таджик- ская	Турк- менская	
1939	10542	6347	1458	1485	1259	5,5
1950	10616	6194	1716	1509	1197	5,9
1960	14136	8395	2131	2045	1565	6,7
1979	19792	11799	2934	2900	2159	8,2
1980	26081	15765	3588	3901	2827	9,9
1987	31311	19013	4141	4805	3352	11,1
1990	33559	20322	4367	5248	3622	11,6

шинстве других регионов страны ничего подобного не происходит, доля Средней Азии в населении СССР с 1950 г. выросла с 5,9% до 11,1%. Ожидается, что до 2010 г. население региона увеличится еще более, чем на 20 млн. человек. Если считать, начиная с 1950 г., то это будет означать пятикратное увеличение численности населения за 60 лет.

Низкие уровни индустриализации и урбанизации и незавершенность демографической революции тесно взаимосвязаны, подкрепляют друг друга и в целом очень сильно препятствуют ускоренным преобразованиям среднеазиатского общества. Аграрный характер экономики региона особенно сильно сказывается на структуре занятости его населения. Сейчас на одного занятого в промышленности приходится занятых в сельском хозяйстве: в Узбекской ССР - 2,5 человека, в Киргизской ССР - 1,7; в Таджикской ССР - 3,1; в Туркменской ССР - 3,7; в Средней Азии в целом - 2,5. Такая структура занятости, конечно, не способствует концентрации населения в городах, так что медленный рост доли городского населения и даже ее сокращение в некоторых республиках отнюдь не случайны. Медленные темпы урбанизации, в свою очередь, препятствуют распространению городского образа жизни и городских ценностей,

повышению территориальной, социальной и профессиональной мобильности населения, его притоку в сферы индустриального и вообще несельскохозяйственного труда, равно как и преодолению патриархального уклада в семейно-бытовой сфере, в частности, перестройке демографического сознания и демографического поведения. В результате сохраняются весьма высокие темпы роста населения, что само по себе затрудняет ускорение индустриализации региона. Весь механизм развития пробуксовывает, острота накапливающихся проблем возрастает. Попытаемся рассмотреть эти проблемы более конкретно.

Низкая эффективность народного хозяйства. Вследствие более отсталой структуры материального производства экономика Средней Азии характеризуется сравнительно низкой эффективностью. В 1985 г. произведенный национальный доход в расчете на одного занятого в материальном производстве составлял по Средней Азии в целом 4,4 тыс. руб. (в Узбекской ССР - 4,4; в Киргизской ССР - 4,1; в Таджикской ССР - 3,9; в Туркменской ССР - 4,6), тогда как в Белорусской ССР этот показатель равнялся 5,8, а в Латвийской ССР - 6,3 тыс. руб. Более медленными были и темпы роста производительности общественного труда. Так, за период 1970-1985 гг. среднегодовой темп прироста этого показателя в Узбекской ССР составлял 2,4%, тогда как в СССР в целом - 3,6%, в Латвийской ССР - 3,9%, в Белорусской - 5,6%. Это - большая разница. В то время, как в Узбекистане производительность общественного труда выросла за 15 лет всего на 42%, в Белоруссии она увеличилась в 2,3 раза.

Правда, могут быть высказаны определенные сомнения по поводу правильности счета произведенного национального дохода в условиях нынешней несовершенной системы ценообразования. Иногда полагают, что национальный доход, произведенный в республиках Средней Азии, занижается. Эта мысль прозвучала, в частности, на сессии Верховного

Совета СССР в июле 1987 г. в речи первого секретаря ЦК КП Туркмении С.А.Ниязова. В ней говорилось о недостатках методики расчета национального дохода, которые "вызваны несовершенным ценообразованием, слабым учетом отраслевой структуры народного хозяйства. При преобладании в ней сельскохозяйственного производства при специализации Туркменистана на производства хлопка-волокна, природного газа налог с оборота формируется главным образом за пределами республики и не включается в национальный доход, произведенный на ее территории"¹⁾.

Вероятно, методика расчета национального дохода нуждается в совершенствовании — и не только по соображениям, затрагивающим Среднюю Азию. Однако в принципе ясно, что национальный доход (и чистая продукция отраслей материального производства, из которых он складывается) выше там, где выше производительность живого труда, т.е., как правило, там, где труд более квалифицирован и лучше вооружен. Едва ли, в этом смысле, республики Средней Азии с их огромной долей занятых в сельском хозяйстве могут быть конкурентоспособными по сравнению с большинством других республик. Вооруженность производственными фондами труда, занятого в материальном производстве, здесь относительно низка: в Средней Азии в целом в 1985 г. — 11,1 тыс.руб. на одного занятого в производственной сфере против 13,4 в Белоруссии или 14,1 в Латвии. Не могут быть высокими и темпы роста этого показателя. Общий объем производственных основных фондов увеличивается здесь, правда, несколько быстрее, чем по стране в целом и по многим другим ее районам: за 1970—1985 гг. среднегодовой рост в Узбекистане и Туркмении, например, составил 9%, тогда

1) "Известия", 2 июля 1987 г.

как по СССР - 7,5%, в Латвии - 6,3%, в Белоруссии - 8,6%. Но с учетом различий в темпах роста населения картина меняется, и преимущество Средней Азии практически исчезает: на каждый процент среднегодового роста населения в 1970-1985 гг. в Узбекистане приходилось 1,060% среднегодового роста производственных основных фондов, в Таджикистане - 1,047%, в Туркмении - 1,062%, тогда как в СССР в целом - 1,065%, в Латвии - 1,057%, в Белоруссии - 1,078%. Трудно ожидать и более эффективного, чем в других местах, использования производственных фондов в Средней Азии. Откуда же взяться более высокому национальному доходу или более высоким темпам его роста?

Теоретически источником того и другого может быть дифференциальная рента. По-видимому, когда говорят о более правильном учете национального дохода, предполагают совершенствование ценообразования, которое позволило бы правильнее учесть в цене ренту и таким образом правильнее оценить величину чистой продукции той или иной отрасли. Здесь не место подробно рассматривать этот вопрос, но следует заметить, что переход на более четкие хозрасчетные отношения между республиками может оказаться для Средней Азии не столь уж выгодным. Об этом говорит, в частности, анализ вопроса о себестоимости хлопка-сырца - одного из главных видов продукции, определяющих место Средней Азии в общесоюзном народнохозяйственном комплексе.

Хлопок считается одной из наиболее доходных культур орошаемого земледелия. Однако относительно высокая рентабельность хлопка - в значительной степени следствие государственной политики цен, направленной на стимулирование производства этого сырья. Повышение цен на хлопок диктуется неуклонным ростом себестоимости хлопка-сырца, что, в свою очередь, связано с устойчивым ростом затрат на оплату труда. В структуре себестоимости этим затратам принадлежит не менее 60%, и они быстро растут. Так, за последние 20 лет в совхозах Узбекской

ССР в расчете на I ц хлопка-сырца они почти удвоились, причем рост заработной платы опережал рост производительности труда. Но ведь оплата труда в учете рассматривается как часть чистой продукции отрасли и, в конечном счете, как часть произведенного национального дохода. Если не проводить четкого различия между общественно необходимыми и фактическими затратами труда и средств на его оплату, то можно очень легко увеличить показатели произведенного национального дохода, не увеличивая его по существу.

Кроме того, сейчас в себестоимости хлопка-сырца не находят отражения огромные и все возрастающие затраты государства на освоение новых земель, строительство и эксплуатацию мелиоративных систем и гидросооружений и т.д. При действии объективных экономических механизмов они должны, конечно, получить отражение в себестоимости — и как прямые затраты, и как "затраты обратной связи", т.е. как плата за ресурсы, за то, что ограниченные ресурсы используются на данные цели, а не на какие-либо другие (скажем, на освоение Каршинской степи, а не новых месторождений полезных ископаемых в Сибири или не на строительство машиностроительных заводов в той же Средней Азии).

Все это сейчас не учитывается в явном виде, но не исключено, что сложившийся механизм перераспределения доходов с помощью налога с оборота, формирующегося за пределами Средней Азии, как-то — скорее всего, весьма несовершенно — отражает существующие экономические реальности. Совершенствование ценообразования неизбежно приведет к изменению структуры цен на хлопок, а возможно, и их величины, но далеко не очевидно, что это повлияет на оценку произведенного в республиках Средней Азии национального дохода в сторону ее увеличения.

Впрочем, независимо от отношения к нынешним методам оценки национального дохода, едва ли кто-либо станет оспаривать недоста-

точную эффективность среднеазиатской экономики, необходимость совершенствования ее отраслевой структуры, интенсификации производства, создания новых возможностей занятости. Одно из главных препятствий на пути решения этих задач – сырьевая направленность экономики региона, ее слабая диверсификация, монокультура хлопка в сельском хозяйстве.

Сырьевая направленность экономики. Республики Средней Азии специализируются в общесоюзном разделении труда в основном на получении и первичных стадиях переработки природного сырья – полезных ископаемых, хлопка, натурального шелка, каракуля и т.п. Как уже отмечалось, в структуре валовой продукции промышленности доминирует продукция легкой промышленности, причем около половины ее дает первичная переработка хлопка. В структуре промышленных капиталовложений ощущается явный перекос в пользу добывающих отраслей (например, в Туркмении в XI пятилетке – до 80%). Сырьевая ориентация четко прослеживается и в структуре экспорта. Например, в Узбекистане в 1985 г. доля непродовольственного сельскохозяйственного сырья и продуктов его переработки, а также топлива, минерального сырья и металлов в общем объеме экспорта составила свыше 91%, в том числе 87% пришлось на хлопок-волокно.

Особое место в экономике региона занимает хлопковый комплекс. В нем сосредоточено около половины всех занятых в промышленности и сельском хозяйстве, производится более 40% валовой продукции сельского хозяйства региона и примерно треть валовой продукции промышленности. В возделывание хлопка вовлечено более 60% орошаемых земель – основы земледелия Средней Азии, – на которых производится 95% всей продукции растениеводства. Многие годы хлопковый комплекс, а особенно его основное звено – хлопководство – развивается опережающими темпами, за последние 20–25 лет производство хлопка в регионе возросло

почти в два раза.

Существуют различные взгляды на будущее развития хлопкового комплекса. Высказываются прямо противоположные точки зрения; как о целесообразности сокращения производства хлопка, так и о желательности дальнейшего его наращивания до уровня, который может обеспечить ресурсный потенциал региона (земельно-водные, трудовые и материальные ресурсы). В целом, видимо, вопрос, имеющий первостепенную важность для всего развития региона, изучен недостаточно. Не случайно, например, в докладе второго секретаря ЦК КП Узбекистана В.П.Анищева на республиканском совещании представителей общественных наук по этому поводу были высказаны резкие критические замечания. "Уже много лет безрезультатно обсуждаются проблемы развития народнохозяйственного хлопкового комплекса. В Институте экономики АН Узбекской ССР почти два десятилетия трудится группа ученых ... по экономическим и правовым вопросам хлопкового комплекса. За это время исписаны горы бумаги, проведено множество конференций, изданы монографии, но нет главного - практических результатов"¹⁾. За этим высказыванием нельзя не видеть отсутствия ясности в одном из центральных вопросов стратегии развития региона.

Иногда пытаются подойти к решению этого вопроса, исходя из оценки потребности в хлопке для собственных нужд страны и для экспорта. Сама по себе такая оценка, конечно, нужна и важна. Однако она ничего не может диктовать в развитии Среднеазиатского региона. Какими бы ни были потребность в хлопке или мировые цены на хлопок, они не могут служить основанием для получения хлопка в Средней Азии любой экономической, социальной и экологической ценой. Оценка нынешнего состояния и перспектив развития хлопкового комплекса должна даваться преж-

1) "Коммунист Узбекистана", 1987, № 3, с.64.

де всего исходя из интересов региона, и эта оценка не может не вести к выводу, что весь комплекс нуждается в очень глубокой, кардинальной реконструкции — прежде всего в силу его низкой эффективности. Это относится, в первую очередь, к "нижним этажам" комплекса — низкоэффективной сейчас культуре хлопчатника, характеризующейся малой урожайностью, высокими трудовыми затратами, дедовскими методами орошения, а потому и нерациональным использованием воды и т.д. В то время как мировое хлопководство уже многие годы развивается за счет роста урожайности хлопчатника (производство хлопка в мире за последние 40 лет возросло почти вдвое, а посевные площади сократились на 10%), у нас идет расширение посевных площадей, а за счет повышения урожайности за 1960—1985 гг. было получено всего 60% прироста производства хлопка (в Туркменской ССР — только 38%). При норме нагрузки на одного занятого в хлопководстве 3—3,5 га, сейчас нагрузка составляет в среднем по региону 2 га посевов хлопка, а в таких районах, как Ферганская долина — 0,14 га, число занятых в хлопководстве не только не уменьшается, но продолжает увеличиваться.

Одновременно необходимо достроить хлопковый комплекс "сверху", развить завершающие стадии производства, чтобы конечным результатом функционирования комплекса в регионе стал не полуфабрикат — хлопковое волокно, а готовая продукция — ткани. Сейчас же в Средней Азии перерабатывается лишь около 8% производимого здесь хлопкового волокна, а тканей в расчете на душу населения выпускается почти на 60% меньше, чем в среднем по стране, и положение практически не меняется, потому что до настоящего времени основной прирост производства тканей в стране (более 80%) приходится на ее европейскую часть. К "верхним этажам" хлопкового комплекса можно отнести также машиностроение для возделывания, сбора и переработки хлопка, научное обеспечение комплекса. Эти звенья также развиты недостаточно.

Хлопковый комплекс Средней Азии в его нынешнем виде — типичный пример того, к чему может вести сырьевая ориентация экономики. Его гипертрофия ведет к одностороннему развитию народного хозяйства региона, создает иллюзию оправданности существования огромного по численности сельского населения, способствует консервации давно отживших экономических и социальных отношений. В то же время коренная реконструкция хлопкового комплекса, его принципиальная модернизация могла бы послужить одним из главных звеньев форсированной индустриализации региона, перестройки всей его хозяйственной и социальной структуры, резкого повышения экономической эффективности всего народнохозяйственного комплекса Средней Азии. Однако такие перемены наталкиваются на многие трудности и проблемы. Одна из них — чисто экономическая, получившая в свое время название проблемы источников накопления.

Проблема источников накопления. Индустриализация требует значительных экономических ресурсов, крупных капиталовложений, идущих на расширение производства, прежде всего на развитие промышленности. За счет каких источников могут осуществляться такие капиталовложения? Каковы в этом смысле возможности Средней Азии? Внутренним источником накопления в основном служит произведенный в регионе национальный доход. Достаточно ли этого источника, чтобы решить стоящие перед Средней Азией экономические задачи? Отвечая на этот вопрос, нельзя ограничиться рассмотрением совокупной величины национального дохода, надо оценить душевые показатели, которые позволяют учесть демографическую специфику региона.

Как видно из табл. 10, в 1985 г. производство национального дохода на душу населения в Средней Азии в целом составляло всего 58% общесоюзной величины, и разрыв имел тенденцию к увеличению, потому что за период с 1970 по 1985 гг. рост произведенного национального дохода в расчете на один процент роста населения в Средней Азии был

ниже, чем по стране в целом или во взятых для сравнения европейских республиках.

Таблица 10.

Произведенный и использованный национальный доход на душу населения, 1985 г.

	Средняя Азия	в том числе республики				Белорусская ССР	Латвийская ССР	СССР
		Узбекская	Киргизская	Таджикская	Туркменская			
Национальный доход, тыс. руб.								
- произведенный	1,20	1,20	1,18	1,08	1,42	2,23	2,93	2,08
- использованный	1,28	1,30	1,25	1,13	1,42	1,97	2,24	2,05
в том числе:								
на потребление	0,93	0,93	1,00	0,85	0,99	1,52	1,80	1,50
на накопление	0,35	0,37	0,25	0,28	0,43	0,45	0,44	0,55
Отношение использованного национального дохода к произведенному	1,07	1,08	1,06	1,05	1,00	0,88	0,76	0,98
Доля накопления в использованном национальном доходе, %	27,3	28,5	20,0	24,8	30,3	22,8	19,6	26,8
Среднегодовой рост произведенного национального дохода на единицу роста населения за 1970-1985 гг.		1,023	1,023	1,016	1,007	1,057	0,036	1,036

Недостаток внутренних источников накопления может восполняться поступлением ресурсов извне, из-за пределов региона. Такое поступление имеет место, в силу чего использованный национальный доход (и в целом, и на душу населения) в республиках Средней Азии выше произведенного. Однако и при этом использованный национальный доход на душу населения в Средней Азии составляет всего 62% среднесоюзного. Для того же, чтобы он был равен среднесоюзному, надо было бы, чтобы в 1985 г. совокупный использованный националь-

ный доход в регионе составлял 61,6 млрд.руб., т.е. был на 25,5 млрд.руб., или на 71% больше произведенного (а не на 7%, как сейчас). Для того, чтобы достичь такого уровня, следовало бы перераспределить в пользу Средней Азии около 5% национального дохода, произведенного в других республиках СССР. Только если бы такая или примерно такая норма перераспределения сохранялась длительное время, так же, как и более высокая, чем среднесоюзная норма накопления в регионе, можно было бы направить на нужды накопления несколько большие ресурсы (в расчете на душу населения), чем в целом по стране, и создать материальные предпосылки опережающего развития промышленности и других несельскохозяйственных отраслей материального производства в Средней Азии.

Конечно, подобные подсчеты не исчерпывают всех аспектов проблемы. Среднеазиатская экономика существует не изолированно, она — часть всего народнохозяйственного комплекса СССР. Она не только может получать дополнительные ресурсы из общегосударственных средств, но и имеет свободный безвозмездный доступ ко всем достижениям научно-технического прогресса, которыми располагает страна, использует общесоюзные возможности подготовки кадров и т.д. Промышленность в регионе может не повторять всех зигзагов сложного пути проб и ошибок, по которому прошла промышленность европейских республик, здесь надо в максимальной степени использовать "эффект лыжни" — движения по уже проложенному пути, создания новых предприятий "на чистом месте" по последнему слову техники, с наиболее современной организацией производства, не обремененных морально устаревшим оборудованием и т.д. Все это до известной степени может смягчить проблему источников накопления, но не может снять ее полностью. Как бы ни расширялась помощь со стороны общесоюзного фонда накопления, длительное существование региона с населе-

нием 30–40 млн. человек, расходуемого в 1,7 или даже в 1,5 раза больше национального дохода, чем он производит, весьма проблематично со многих точек зрения. Ограниченность ресурсов все время будет толкать экономику региона на путь не наиболее эффективного, а наименее капиталоемкого, не интенсивного, а экстенсивного развития. Но такой путь не только не может дать кардинального решения накапливающихся проблем, но может даже усугубить их. В частности, в современных условиях он почти неизбежно ведет к тяжелым экологическим последствиям. Ведь "хищническое" отношение к природным ресурсам – это прежде всего не нравственный, как сейчас часто об этом пишут, а экономический феномен. Оно приобретает государственные масштабы, когда из-за отсутствия накоплений того, что создано трудом, стремятся – в интересах развития – "до упора" использовать то, что создано природой и может быть присвоено безвозмездно. В течение какого-то времени этот путь может быть эффективным, природа превращается в дополнительный "источник накопления", однако, если ~~во~~ время не остановиться, потери становятся невозполнимыми. Средняя Азия дает немало примеров бесперспективно . . . такого пути, но, как показывает, в частности, пример Аральского моря, пока, по-видимому, не готова с него сойти.

Ограниченность необходимых для форсированного развития материальных ресурсов – очень серьезный, но не единственный тормоз такого развития. Не меньшее значение имеют существующие в Средней Азии объективные условия, противодействующие эффективному использованию даже тех ресурсов, которые имеются. Главный источник таких противодействий лежит на стороне не материальных факторов производства, а на стороне его "человеческого фактора; коренится в общем состоянии среднеазиатского общества.

Человеческий фактор и состояние среднеазиатского общества^{х)}

Хотя экономика Средней Азии в советское время развивалась очень быстро и отставание по уровню индустриализации вовсе не означает, что здесь нет современной промышленности, развитие региона шло в щадящих условиях, его население не прошло суровой школы периода первоначального накопления, "раскрестьянивания" и т.д., во всяком случае, в той мере, в какой ее прошло население европейской части страны, азиатской части РСФСР. Переход к социализму, минуя капиталистическую стадию, сыграл двоякую роль. С одной стороны, был положен конец угнетению и эксплуатации, экономической и культурной отсталости региона, быстро развивались его производительные силы (в значительной степени за счет привлечения европейского населения, местного и переселенческого, а также материальных ресурсов из общесоюзного фонда). С другой стороны, на базе роста производительных сил был значительно поднят уровень благосостояния и социального обеспечения коренных народов, что стабилизировало уклад жизни коренного сельского населения и избавило его от необходимости радикально менять этот уклад. В итоге, в период преобразований в Средней Азии были созданы недостаточные объективные условия для стимулирования процесса разложения традиционных отношений и трансформации общественного сознания значительной части населения.

Названные выше факторы обусловили характер развития социально-классовой структуры среднеазиатских народов. Сельское население продолжало численно преобладать, рабочий класс формировался замедленными темпами. В то же время, во многом благодаря целенаправленной политике государства, складывалась национальная интеллигенция, рекрутировавшаяся, естественно, в основном из сельского населения.

^{х)} Раздел написан совместно с С.В.Чешко (Институт этнографии АН СССР)

22

Важным элементом социальной структуры стал довольно многочисленный слой мелких сельских производителей, извлекающих из личных подсобных хозяйств доходы, достаточные для самообеспечения и гораздо более высокие, чем те, которые можно получить от труда по найму. К этой категории следует отнести также тех, кто хотя и работает в общественном секторе, но свое благополучие связывает с личным хозяйством. Используя выгоды, предоставляемые для ведения личного подсобного хозяйства или его сочетания с некоторым участием в общественном организованном труде ситуацией трудоизбыточности, а также такими традициями, как неразделенная семья и многодетность (возможности использования бесплатной рабочей силы, участия в общественном труде подростков при концентрации усилий взрослых работников на личном хозяйстве и т.д.), этот экономический уклад, в свою очередь, подводит под них новую экономическую базу, способствует консервации этих традиций, препятствует переориентации охваченного ими населения на современные нормы поведения и ценности.

В результате коренные среднеазиатские народы все еще очень сильно ориентированы на сельский образ жизни и не проявляют стремления менять его на городской, менять труд в сельском хозяйстве или в "третичных" отраслях (сфера обслуживания) на труд в промышленности. Устойчивость такого типа ориентации, имеющая опору в экономическом укладе, подкрепляется также сохранением социокультурных структур, консервирующих архаичные формы жизни и общественного сознания. К ним относятся традиционные семейно-родственные структуры в виде неразделенных и больших дисперсных семей, элементы традиционных общинных структур, пронизанных родовыми и семейно-родственными связями, иерархические отношения соподчинения и разделения социальных ролей в рамках этих структур, ограничение само-

стоятельности индивидов общинно-патриархальными социальными нормами, традиционный тип воспроизводства населения (многодетность). Постоянно воспроизводя патриархальный уклад жизни, социальная среда воспроизводит вместе с ним и такие черты человеческого фактора, как низкая территориальная и профессиональная мобильность населения, психологический склад людей, не отвечающих требованиям современной экономики, не обладающих необходимой активностью, экономической инициативой, универсальностью, способностью быстро адаптироваться к меняющимся условиям, склонностью к инновационной деятельности и т.п.

Сейчас эти черты "человеческого фактора" в Средней Азии, как впрочем, и в других районах страны, изучаются недостаточно, поэтому о многих из них ничего нельзя сказать на количественном языке. Но есть и такие, которые можно охарактеризовать довольно убедительными данными. К ним относится, в частности, территориальная мобильность населения. О том, что эта мобильность в Средней Азии низка, позволяют судить данные переписи населения 1979 г.

Таблица II.

Доля населения, с рождения проживающего в месте постоянного жительства, по переписи 1979 г., %

	Все население	Городское население	Сельское население
Средняя Азия	74,5	58,6	85,2
в том числе:			
Узбекская ССР	77,7	62,6	88,2
Киргизская ССР	64,1	43,8	76,7
Таджикская ССР	71,6	54,4	80,7
Туркменская ССР	73,4	59,2	86,2
Белорусская ССР	55,3	40,1	73,9
Латвийская ССР	39,6	37,1	44,7
СССР	52,9	43,5	68,2

Конечно, население среднеазиатских республик участвует в миграционных перемещениях, в основном внутриреспубликанских, в том числе и в таких, которые объясняются не обычной повседневной жизнью населения, что было всегда, а крупными переменами в социально-экономической жизни региона, изменениями в размещении производительных сил, созданием новых промышленных узлов, освоением месторождений полезных ископаемых, новых сельскохозяйственных земель, таких, как Голодная, Джизакская или Каршинская степи в Узбекистане. Тем не менее, как видно из табл. II, подвижность населения, особенно сельского, здесь намного ниже, чем в СССР в целом или в других республиках. (Правда, оценивая данные табл. II, надо учитывать различия в возрастной структуре населения, значительно большую долю детей в населении Средней Азии по сравнению с другими регионами).

Низкая территориальная мобильность коренного населения региона тесно связана с низкой профессионально-отраслевой мобильностью, слабым участием в индустриализации. Конечно, сейчас его участие в неаграрных отраслях экономики растет, тем не менее в ряде этих отраслей, в том числе и весьма важных, представители коренных народов по-прежнему составляют меньшинство или, во всяком случае, их доля никак не соответствует доле этих народов во всем населении республик.

Таблица 12.
Доля коренных народов в населении республик
Средней Азии, %

Год	Узбекская ССР (узбеки) <i>+ иарчи</i>	Киргизская ССР (киргизы)	Таджикская ССР (таджики и узбеки)	Туркменская ССР (туркмены)
1959	62,2	40,5	76,1	60,9
1970	65,5	43,8	79,2	65,6
1979	68,7	47,9	81,7	68,4

Как следует из табл.13, доля коренного населения среди рабочих и служащих народного хозяйства среднеазиатских республик вообще относительно низка, а его распределение по отраслям характеризуется большой неравномерностью. В целом оно значительно слабее представлено в несельскохозяйственных отраслях, а внутри них явно тяготеет к отраслям непроеизводственной сферы. Как правило, намного ниже доля представителей коренного населения в промышленности, строительстве, на транспорте. В свою очередь, неравномерно и его распределение по отраслям промышленности: легкая, пищевая, добывающие отрасли привлекают коренное население гораздо в большей степени, чем обрабатывающие отрасли тяжелой промышленности, в частности, машиностроение.

Таким образом, использование человеческого фактора экономического развития наталкивается в Средней Азии на серьезные препятствия, порождаемые несоответствием качественных требований современной экономики к человеку как работнику и возможностями того, "человеческого материала", которым сегодня располагает регион. Это играет роль самостоятельного механизма, ограничивающего возможности индустриализации независимо от наличия или отсутствия инвестиционных возможностей. Интенсивно развивающиеся отрасли промышленности, располагающие такими возможностями, не идут в Среднюю Азию или идут туда крайне неохотно, ибо эффективность затрат там значительно ниже, условия освоения капиталовложений хуже, чем в других районах СССР. Главная причина - отсутствие квалифицированной рабочей силы, а в более широком плане - неразвитость традиций и культуры индустриального труда, нежелание или неумение работать во многих индустриальных отраслях да и отсутствие у населения необходимости в этом.

Таблица 13.

Доля коренного населения республик Средней Азии в общей численности рабочих и служащих, занятых в некоторых отраслях народного хозяйства этих республик, %

Отрасли народного хозяйства	Узбекская ССР (узбеки)				Киргизская ССР (киргизы)				Таджикская ССР (таджики и узбеки)				Туркменская ССР (туркмены)		
	1967	1973	1977	1983	1967	1973	1977	1983	1967	1973	1977	1983	1967	1973	1977
Народное хозяйство - всего	43	49	51	57	26	28	33	39	47	56	61	68	39	43	45
в том числе:															
промышленность	31	36	38	46	11	14	16	23	35	42	46	57	29	36	34
машиностроение и металлообработка	15	16	18	25	4	5	7	13	19	21	28	36	26	17	22
нефтедобывающая	34	42	43	55	9	13	16	-	39	40	55	59	41	45	49
химическая и нефте-химическая	19	18	20	25	12	5	7	10	19	11	20	25	10	13	21
строительных материалов	23	25	28	38	6	9	11	15	30	38	41	48	30	30	28
легкая	45	54	56	66	11	17	21	32	35	47	51	67	35	50	55
пищевая	34	45	45	59	13	16	19	28	46	53	63	68	30	37	35
Строительство	30	35	36	43	11	14	16	21	40	44	47	54	38	39	41
Транспорт	36	41	44	48	15	21	29	30	46	54	59	66	31	35	48
Сельское хозяйство	62	69	67	72	...	62	63	69	...	86	90	90	77	72	76
Торговля и общественное питание	51	52	61	65	...	21	23	31	...	65	67	75	38	28	47 ^x
Здравоохранение, физкультура, социальное обеспечение	39	52	53	60	19	24	32	39	29	38	46	58	32	42	48
Просвещение, культура	51	59	61	63 ^{xx)}	37	41	45	51 ^{xx)}	60	67	67	71 ^{xx)}	48 ^{xx)}	55 ^{xx)}	56 ^{xx)}
Административный аппарат	36	44	68	53	26	32	35	40	43	47	52	57	40	43	45

x) общественное питание; xx) просвещение

Эти препятствия имеют, так сказать, качественную природу, но их значение усугубляется – и в очень большой степени – количественными несоответствиями, которые сейчас также очень велики в Средней Азии и которые, переплетаясь с качественными несоответствиями, порождают острейшую проблему трудовых ресурсов.

Проблема трудовых ресурсов. При весьма высоких темпах роста населения Средней Азии еще быстрее растут ее трудовые ресурсы, Скажем, среднегодовой прирост их численности в Узбекистане составлял в 1965–1970 гг. 2,9%, в 1970–1975 гг. – 4,1%, в 1975–1980 гг. – 4,3%, в 1980–1985 гг. – 2,8% (соответствующие показатели прироста населения: 3,2; 3,0; 3,0; 2,7%). Это порождает вопрос о создании соответствующего количества новых рабочих мест. Его решение оказалось сложным делом, хотя это выявилось не сразу. Еще во второй половине 60-х годов возможности занятости в общественном производстве росли быстрее, чем численность трудовых ресурсов, в связи с чем был возможен даже определенный отток трудовых ресурсов из домашнего и личного подсобного хозяйства, доля трудоспособного населения, занятого в этом секторе экономики, сокращалась. Однако уже в первой половине 70-х годов положение изменилось, стал ощущаться дефицит рабочих мест и началось увеличение доли занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве (табл.13).

Сложной оказалась ситуация в сельской местности. В современных условиях интенсификация сельскохозяйственного производства делает возможным и даже требует абсолютного сокращения числа занятых в этой отрасли до весьма небольших величин. Соответственно должно сокращаться и сельское население. Между тем, в Средней Азии за 1959–1986 гг. сельское население выросло вдвое-более, чем на 9 млн. человек, тогда как за предыдущие 20 лет – с 1939 по 1959 гг. – рост составил менее 10%. Стремительный рост сельского населения

при жесткой ограниченности земельных и водных ресурсов не мог не привести к аграрному перенаселению и отнюдь не способствовал интенсификации сельскохозяйственного производства и росту производительности труда в сельском хозяйстве. Хотя производственные фонды сельского хозяйства росли сравнительно быстро, темпы роста фондовооруженности труда были намного более низкими. Если по стране в целом производственные фонды в расчете на I-го работника росли быстрее, чем в расчете на I га сельскохозяйственных угодий (соответственно на 8,6% и на 8,0% в год в среднем за 1970–1985 гг.), то в Средней Азии сложилось обратное соотношение. В Узбекистане, где положение было наиболее благоприятным, производственные фонды сельского хозяйства на I га сельхозугодий увеличивались на 9,5% в год при 8,0% по СССР или, скажем, 7,2% по Латвийской ССР. Но фондовооруженность одного работника сельского хозяйства по СССР росла ежегодно на 8,6%, в Латвийской ССР – на 7,9%, а в Узбекистане на 7,4%, в Таджикистане – всего на 4,8%, в Туркмении – на 4,4%. В последнее время наблюдается прямое замещение, овеществленного труда живым. В 1980 г. механизированно убиралось 56% урожая хлопка, в 1983 г. – 32%, в 1984 г. – 29%. Производительность труда в сельском хозяйстве не увеличивается с 1965 г. и остается крайне низкой: в Узбекистане, Киргизии, Туркмении – примерно 2,8 тыс.руб, в год, в Таджикистане даже 2,5, тогда как, скажем, в Белоруссии – 4,7, в Латвии – 6,5 тыс.руб.

Наряду с вовлечением все новых и новых трудовых ресурсов в сельское хозяйство идет ускоренный рост числа сельских жителей, занятых в других отраслях материального производства и особенно в непродуцированной сфере. Однако, поскольку сельское хозяйство остается ведущей отраслью экономики в сельской местности, возможности создания новых рабочих мест в других отраслях достаточно

Таблица 14.

Темпы прироста трудовых ресурсов и занятости в республиках Средней Азии и доля занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, %

	!Узбекская ССР	Киргизская ССР	Таджикская ССР	Туркмен- ская ССР
Трудовые ресурсы				
1965-1970	15,4	11,9	11,1	14,1
1970-1975	22,5	18,5	22,8	23,4
1975-1980	21,6	16,0	20,8	19,5
1980-1985	15,8	9,7	16,9	14,8
Занятые в общественном про- изводстве и учащиеся стар- ше 16 лет				
1965-1970	21,9	20,3	19,3	19,6
1970-1975	21,1	15,7	20,0	20,9
1975-1980	17,6	12,5	16,7	16,5
1980-1985	13,5	10,7	13,7	13,7
В том числе занятые в об- щественном производстве				
1965-1970	19,2	18,5	16,9	18,1
1970-1975	18,4	13,9	17,1	19,2
1975-1980	17,2	12,3	15,5	14,7
1980-1985	14,3	11,7	14,8	14,4
Занятые в домашнем и лич- ном подсобном хозяйстве				
1965-1970	- 8,5	-22,7	-13,8	- 9,4
1970-1975	29,1	36,2	34,4	37,3
1975-1980	38,1	35,8	35,7	35,2
1980-1985	24,0	4,8	27,0	20,0
Доля трудовых ресурсов, за- нятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве				
1965	22,0	19,6	24,6	18,9
1970	17,6	13,7	19,1	15,1
1975	19,4	14,7	21,3	16,1
1980	22,0	17,3	24,0	18,2
1985	23,6	16,5	26,0	19,0

ограничены и не отвечают непрерывно растущей потребности в них. Не предоставляет таких возможностей и общественное сельскохозяйственное производство. В этих условиях наибольшую гибкость обнаруживает сфера домашнего и личного подсобного хозяйства, которая и поглощает избыточные трудовые ресурсы. За 1971-1985 гг. численность занятых в личном подсобном и домашнем хозяйстве региона возросла втрое. В 1985 г. личное подсобное хозяйство, пополняемое молодежью, окончившей школу, занимало каждого седьмого из участвующих в материальном производстве Средней Азии (на 30% больше, чем строительство, и лишь в полтора раза меньше, чем промышленность).

Высокая занятость в сфере личного подсобного и домашнего хозяйства до известной степени маскирует трудоизбыточность среднеазиатской деревни и помогает решать неотложные сегодняшние проблемы занятости. Но, в конечном счете, она не только не способствует кардинальному решению этих проблем, но даже определенным образом препятствует ему. Растущая роль сферы личного подсобного и домашнего хозяйства в жизни населения Средней Азии приводит к тому, что огромная трудоизбыточность здесь причудливо сочетается с трудо-недостаточностью, имеющей довольно многообразные проявления. Известно, что даже явно трудоизбыточное сельское хозяйство на протяжении многих лет не может обходиться без постоянного привлечения на сельскохозяйственные работы десятков тысяч рабочих и служащих индустриальных отраслей, сферы услуг, учащихся. В то же время, по данным Института экономики сельского хозяйства УзССР, непосредственно к уборке урожая привлекается только 30% работников самого сельского хозяйства. Все большую роль в сельском хозяйстве играет труд подростков 12-16 лет. Острый недостаток рабочей силы испытывают и индустриальные отрасли, с развитием которых, казалось бы, следует связывать решение проблемы трудоизбыточности. Коэффициент смен-

ности в промышленности Средней Азии ниже среднесоюзного. Многие предприятия, в том числе использующие малоквалифицированный труд работают с большой недогрузкой мощностей, имеет место прямая незанятость вакантных рабочих мест. В одном из исследований проблем трудовых ресурсов в Киргизии приводятся данные о том, что в конце 70-х годов, с одной стороны, "в Ошской и других трудоизбыточных областях и районах даже выпускники городских школ, особенно малых городов, вынуждены трудоустраиваться в сельском хозяйстве; а с другой стороны, в то же время в крупнейших городах республики - Фрунзе и Оше - оставалось незанятыми свыше 30 тыс. рабочих мест"¹⁾.

Недооценка относительной самостоятельности действия механизмов, порождающих трудоизбыточность и трудонедостаточность, может вести к принятию упрощенных, а потому и неэффективных решений. Как отмечается в одной из работ, практика планирования и хозяйствования нередко преподносит неожиданности в области формирования рабочей силы вводимых производственных объектов. "Предприятия, размещенные в густонаселенных районах республики (речь идет об Узбекистане) с целью вовлечения на них местных резервов труда, с первых же дней после пуска начинают испытывать большие трудности в комплектовании их рабочими кадрами и специалистами. Наиболее яркой иллюстрацией этого являются Наманганский комбинат шелковых и костюмных тканей, Бухарский текстильный комбинат, где и по сей день эта проблема в достаточной мере не решена"²⁾.

Несмотря на то, что экономисты давно занимаются проблемами трудовых ресурсов в Средней Азии, эти проблемы, препятствия, стоящие на пути их решения, по-видимому, не получили адекватного отображения в научном сознании. Странно читать в материалах Комплексной программы научно-технического прогресса на 1991-2010 гг.,

1) Социально-экономические проблемы трудовых ресурсов развитого соц. об-ва в региональных условиях Киргизии. - Фрунзе, 1982 (ДСП), с.80,82

2) Максакова Л. Миграция населения Узбекистана. - Ташкент, 1986, с.123.

что "Киргизская ССР характеризуется благоприятной демографической и трудоресурсной ситуацией", что "несмотря на невозможность четкой количественной оценки характера соответствия ресурсов труда остальным ресурсным факторам производства, можно утверждать, что в целом высокая обеспеченность Таджикистана трудовыми ресурсами благоприятно гармонирует с уровнем обеспеченности природными ресурсами, во всяком случае, ни сейчас, ни в обозримой перспективе не возникает коллизий между ними". Коллизия не просто возникает, она уже сейчас достигла очень большой остроты, и пока не существует никакой научной концепции ее преодоления. Как справедливо отмечалось в уже упоминавшемся докладе второго секретаря ЦК КП Узбекистана, "десятки научных учреждений занимаются в республике проблемами труда и трудовых ресурсов... Занимаются они проблемами труда и трудовых ресурсов много лет, но так и не дали ответа на вопрос о путях их решения, хотя этот вопрос — один из острейших в республике"¹⁾. В целом эта оценка, по-видимому, верна, но только вина едва ли может быть отнесена на счет одних лишь научных учреждений. В Средней Азии не было, а возможно, нет и сейчас идеологических условий для объективной оценки экономической, социальной и демографической ситуации, а без этого решение существующих в регионе проблем невозможно, даже если за его пределами, например, в Москве, эта ситуация будет оценена правильно. Решение среднеазиатских проблем может быть найдено только на путях мобилизации трудового, интеллектуального, духовного потенциала народов Средней Азии, только ими самими.

Проблема замедления роста населения. На отношении к этой проблеме также сказывается общая идеологическая обстановка в регионе.

¹⁾ "Коммунист Узбекистана" — 1987, № 3, с.64.

Сейчас достаточно ясно, что быстрый рост населения среднеазиатских республик существенно затрудняет решение и без того весьма сложных задач их социально-экономического развития, в силу чего казалось бы замедление этого роста и ослабление тем самым желательным демографического давления на ограниченные экономические ресурсы. Однако обычно вопрос таким образом не ставится, во всяком случае в явном виде, что, по-видимому, отражает недостаточное осмысление современных среднеазиатских реальностей. В их оценке до недавнего времени преобладал политико-пропагандистский тон, что нашло отражение, в частности, в известном ответе Л.И.Брежнева на вопрос корреспондента газеты "Монд": "что же касается роста населения в тех или иных республиках нашей страны, то это явление нас не беспокоит. Напротив, оно радует нас...". Тем не менее, процессы, которые могут повлиять на замедление темпов роста населения региона, рассматриваются достаточно часто, хотя, как правило, и не ставятся в связь с желательностью или нежелательностью такого замедления. Речь идет о снижении рождаемости и усилении миграции за пределы Средней Азии.

Как уже отмечалось, снижение рождаемости в среднеазиатских республиках началось, однако пока идет медленно, развертывание демографической революции, переход к новому типу воспроизводства населения тормозится сохранением традиционных норм демографического поведения, традиционных идеалов многодетности. Анализируя причины устойчивости этих идеалов, среднеазиатские демографы отмечают, в частности, влияние унаследованных от прошлого "бытовых укладов, традиций, не исключая религиозных"¹⁾, пережитков патриархальной структуры власти в семье. Даже когда женщина готова принять какие-либо предупредительные меры, "часть мужчин, особенно

1) Алиев К., Кадыралиев С. Население Киргизской ССР и развитие народного хозяйства. - Фрунзе, , 1980, с.58.

в традиционных семьях, в супружеских отношениях занимает непримиримую позицию и диктует супруге свою волю"¹⁾. Немалое значение имеет все еще сохраняющееся стремление иметь хотя бы одного-двух сыновей. Медленно идет расчленение больших патриархальных семей, которое "могло бы освободить молодые брачные пары от излишнего демографического опекуства старшего поколения" и способствовать "регулированию числа детей в семье, повышению социально-экономической мобильности женщин, ликвидации отживших свой век демографических традиций, мешающих переоценить социально-демографические ценности в современных условиях"²⁾. Престиж многодетности все еще сильно поддерживается традиционным общественным мнением. Особенно велико его значение в сельской местности. Но и в городах, в частности в районах старой застройки, где существуют "махалля" - кварталы, пользующиеся правами самоуправления, - и в большей мере сохраняются вековые традиции и обычаи, складывается микроклимат, способствующий поддержанию установок на многодетность.

Если бы желательность снижения рождаемости в Средней Азии была ясно осознана, можно было бы разработать меры более активного влияния на массовое демографическое сознание и ускорить исторически неизбежный переход к низкой рождаемости. Но сейчас единодушия в этом вопросе нет. Некоторые специалисты достаточно определенно признают, что нет объективных оснований для "сохранения ныне неоправданной демографической исключительности отдельных наций и народностей", преодоление которой "достигается не путем декретирования..., а на основе ликвидации различий в социально-экономической и духовной жизни народов", и справедливо полагают, что

1) Караханов М.К. Некапиталистический путь развития и проблемы народонаселения. - Ташкент, 1983, с.146.

2) Мулладжанов И.Р. Демографическое развитие Узбекской ССР. - Ташкент, 1983, с.268.

механизмом снижения рождаемости "должно послужить изменение демографического поведения путем максимального вовлечения женщин в общественное производство, расширение добровольного применения противозачаточных средств, повышение престижности социальных интересов по сравнению с высокой рождаемостью и т.д."¹⁾.

В то же время имеются специалисты как в Средней Азии, так и за ее пределами, которые не считают снижение рождаемости в этом регионе ни неизбежным, ни желательным. Они полагают, что условия социализма "создают для среднеазиатских народов широкие возможности для проявления национальных традиций, в том числе и традиции многодетности" и что "многодетная женщина как "социально-демографический стереотип" здесь сохранится и в будущем"²⁾. В 1978 г. журнал "Коммунист Узбекистана" писал: "Залогом будущих устойчивых темпов роста населения Средней Азии является сохранение и закрепление в благоприятных социально-экономических условиях развитого социализма традиции многодетности". И далее: "Общая направленность политики в области рождаемости в нашей стране, как и во всех социалистических странах, состоит во всемерном ее поощрении... Такая политика предопределена самой природой социализма, при котором население рассматривается как бесценный капитал"³⁾.

Сейчас подобные декларации уступают место более трезвым оценкам. Как отмечал в докладе на пленуме ЦК КП Таджикистана в апреле 1987 г. первый секретарь ЦК К.М.Макхамов, "мы много и с гордостью говорили о первом месте, занимаемом Таджикистаном по рождаемости, о высоких темпах естественного прироста населения, но не проявляли должной заботы о том, где работать людям, как обеспечить их питанием, жильем и многим другим"⁴⁾". А выступая на сессии Верховного

1) Там же, с.266, 268, 274.

2) Атамирзаев О. Многодетная женщина. Социально-демографический анализ. - В кн.: Женщины на работе и дома. М., 1978, с.29-30, 37.

3) "Коммунист Узбекистана", 1978, I, с.41, 43-44.

4) Известия "Коммунист Таджикистана", 1987, 5, с.22.

Совета СССР в июле 1987 г., председатель Совета Министров Таджикской ССР И.Х.Хаёев, отметив ограниченные экономические возможности республики, сказал, что "с учетом всего этого, наряду с созданием новых рабочих мест, мы разворачиваем работу по организации службы планирования семьи"¹⁾. По-видимому, активизация такой работы была бы целесообразна как по экономическим, так и по социальным соображениям, и для других республик Средней Азии.

Еще одним путем ослабления демографического давления на экономические ресурсы региона могла бы стать миграция части быстро растущего населения Средней Азии за ее пределы. (При этом одновременно решались бы проблемы трудовых ресурсов в тех районах СССР, где этих ресурсов не хватает, но эта сторона вопроса здесь не рассматривается). Однако пока говорить о миграции из Средней Азии в сколько-нибудь серьезных масштабах не приходится.

Таблица 15.

Сальдо межреспубликанской миграции, тыс.чел.

	1951- 1955	1956- 1960	1961- 1965	1966- 1970	1971- 1975	1976- 1980	1981- 1985
РСФСР	160	-1050	-522	-571	-195	725	905
Украинская, Белорус- ская, Молдавская ССР	-629	255	53	393	172	-137	-115
Республики Прибалтики	-15	60	135	152	130	101	147
Республики Закавказья	65	-14	-16	5	-23	-166	-260
Казахская ССР	489	597	407	3	-261	-414	-325
Средняя Азия	-19	198	410	275	109	-245	-275
в том числе:							
Узбекская ССР	45	133	230	189	143	-110	-135
Киргизская ССР	-78	1	79	54	-37	-65	-55
Таджикская ССР	47	54	95	26	1	-43	-41
Туркменская ССР	-33	10	6	6	2	-27	-44

1) "Известия", 2 июля 1987 г.

Примерно до середины 70-х годов высокий естественный прирост населения Средней Азии не только не сопровождался миграцией населения за ее пределы, но напротив, она была ареалом миграционного притока, отсасывала население из других регионов страны, в частности из центральных районов РСФСР и Сибири. Лишь во второй половине 70-х годов наметилась новая тенденция – появилось отрицательное сальдо миграции во всех республиках Средней Азии (в Киргизии оно было уже в первой половине 70-х годов) и довольно значительное положительное сальдо в Российской Федерации. Это дало основания некоторым специалистам утверждать, что "возрастающее выбытие населения из трудоизбыточной Средней Азии... свидетельствует об улучшении миграционных процессов в СССР"¹⁾. Однако к оценке кажущихся, на первый взгляд, положительными перемен в этих процессах надо относиться с большой осторожностью. Во-первых, появление отрицательного сальдо миграции не обязательно говорит о возрастающем выбытии населения. Например, в Узбекистане "начиная с 1976 г. число выбывших из республики практически осталось на уровне 1971-1975 гг., но число прибывших сюда в межреспубликанском обмене резко сократилось"²⁾. Иными словами, теперь сократившийся приток просто не возмещает оттока, как это было прежде. Во-вторых же, во всех среднеазиатских республиках этот отток в весьма малой степени формируется за счет коренного населения. Регион теряет в основном представителей некоренных народов (русских, украинцев и т.д.), что отнюдь не способствует решению накапливающихся здесь проблем. Не случайно первой республикой, в которой появилось отрицательное сальдо миграции, стала Киргизия – республика с самой высокой долей некоренного на-

1) Проблемы воспроизводства и миграции населения. М., 1981, с.151.

2) Максакова Л. Миграция населения Узбекистана. Ташкент, 1986, с.57.

селения. Как показало одно из обследований, проведенное в Киргизии в 1983 г., 80% выезжающих из республики жили до отъезда в городах, лишь 19% мигрировавших из республики оставляли киргизы, узбеки, таджики и туркмены. Анализ профессионального и квалификационного уровня выезжавших привел к выводу, что "в стихийном порядке идет отток золотого фонда трудовых ресурсов, кадров, в которых особенно нуждается развивающаяся промышленность региона" ¹⁾. Сходное положение и в других республиках. Даже при организованном сельскохозяйственном переселении семей из Узбекистана, например, оказывается, что почти 80% выезжающих ранее жили в городах, а доля узбекских семей едва превышает 10% ²⁾. Близкие результаты дают и другие исследования состава выбывающих из среднеазиатских республик ³⁾. Оценку положения, складывающегося в Таджикистане, но, видимо, более или менее типичного и для других республик, дал в докладе на пленуме ЦК КП Таджикистана К.М.Макхамов. "Во многих коллективах и даже в целых районах представителей некоренных национальностей остались единицы, кое-где их и вовсе нет. Ежегодно из республики уезжает все больше некоренного населения... Характерно, что уезжают ценные, высококвалифицированные специалисты, научные работники, то есть люди, которые нам очень нужны. Сохраняется тенденция оттока из республики русского населения... Покидают республику и люди, которые много лет проработали в ней" ⁴⁾.

Если добавить к этому, что из Средней Азии уезжают представители не тех групп населения, за счет которых идет его стремительный естественный прирост, то станет ясно, что межреспубликанская

миграция в ее нынешнем виде не вносит практически никакого вклада

1) Зюзин Д.И. Варианты социально-экономического развития Среднеазиатского региона. - "Социологические исследования", 1986, № 4, с.31.

2) Мирзаев Т., Раскин Л. Организованное перераспределение трудовых ресурсов. - "Коммунист Узбекистана", 1987, № 1, с.16-17.

3) См., напр.: Максимова Л. Миграция населения Узбекистана, с.69.

4) "Коммунист Таджикистана", 1987, № 5, с.36.

в ослабление демографического давления на ресурсы внутри региона и едва ли способствует повышению эффективности использования этих ресурсов.

Общественное сознание^х. Анализ проблем экономического и социального развития Средней Азии будет неполным, если он не затронет ситуации, складывающейся в сфере общественного сознания, в культуре и идеологии, ибо от этой ситуации во многом зависит направление социальной активности населения региона или его отдельных слоев и групп, отношение к возникающим проблемам и успешность их решения, вся нутриполитическая обстановка в регионе,

Разумеется, в целом процессы в сфере общественного сознания в Средней Азии шли в том же русле, что и в других регионах СССР, их генеральное направление определялось успешным ходом основных социалистических преобразований, стремительным развитием экономики и культуры, ростом благосостояния, устранением национального гнета и неравноправия, утверждением принципов социальной справедливости, укоренением норм и ценностей социалистического образа жизни и т.д. Не обошли Среднюю Азию и негативные явления в сфере общественного сознания периода культа личности или недавних десятилетий, застойная обстановка которых была подвергнута резкой критике в партийных документах последних лет.

Однако как позитивные, так и негативные тенденции в области идеологии, культуры, бытового сознания, общественной психологии, свойственные всему советскому обществу, проявляются не везде одинаково, усиливаются или ослабляются в зависимости от местных условий, степени зрелости общественных отношений социализма, развитости социальной структуры, роли отживающих традиций и многих других конкретных обстоятельств. Не составляет исключения и Средняя Азия,

^х) Раздел написан с использованием материалов Института этнографии АН СССР.

где общесоюзные тенденции в сфере общественного сознания испытывают сильное влияние отмечавшихся выше особенностей общественного бытия, материальных отношений в сфере экономики, экологии или воспроизводства населения.

Переход к социализму, минуя капиталистическую стадию, означал, что коренным народам Средней Азии (и Казахстана) за годы Советской власти пришлось преодолеть историческую дистанцию, бóльшую, чем народам любого другого сопоставимо крупного региона страны. Неудивительно поэтому, что исторически неизбежное превращение традиционного аграрного, патриархального, сельского общества в современное индустриальное и городское — завершено здесь меньше, чем где бы то ни было. Как везде и всегда в подобных ситуациях, в Средней Азии разворачиваются интенсивные переходные процессы, охватывающие все сферы жизни: экономическую, демографическую, социально-культурную, политико-идеологическую, сферу национальных отношений и т.д. Вся система общественных отношений, культура переживают полосу острого внутреннего конфликта, связанного с переходом к новой системе ценностей, новой структуре потребностей, перестройкой социальных институтов, ростом национального самосознания и т.д. Появляются значительные по численности промежуточные, маргинальные слои населения, для которых главной и весьма болезненной проблемой оказывается адаптация к новым условиям, новому образу жизни. Нерешенность этой проблемы создает определенную почву для неприятия новой социальной реальности и ее критики, для появления идеологии и общественных движений народнического толка, идеализации старины, возрождения религии, иногда в самых реакционных и фанатичных ее проявлениях, национализма и т.д.

В условиях Средней Азии положение усугубляется рядом факторов этнического и религиозного характера. Не следует забывать, что

в прошлом регион был отсталой колониальной окраиной Российской империи. Культурно-религиозные традиции его коренных народов имели много общего между собой и в корне отличались от культурно-религиозных традиций восточно-славянских народов метрополии, условия развития национальных культур в дореволюционной Средней Азии были крайне неблагоприятными. После Октябрьской революции ситуация коренным образом изменилась. Благодаря экономической, социальной и национальной политике Советской власти, были созданы необходимые предпосылки для быстрой этнической консолидации народов Средней Азии, формирования социалистических наций, роста национального самосознания и расцвета национальных культур. Параллельно шли процессы (индустриализация, формирование рабочего класса, распространение городского образа жизни, повышение социальной мобильности и т.д.), содействующие интернационализации культур и потенциально способные обеспечить единство национального и интернационального в их развитии. Пестрый национальный состав республик Средней Азии в условиях социализма создает предпосылки для интенсивного межнационального общения, особенно в городах, при совместном обучении, в крупных производственных коллективах и т.д., открывает большие возможности взаимного обогащения национальных традиций, образования сплава культур, свободного от национальной ограниченности, открытого для экономических и социальных перемен.

Однако, как уже отмечалось, сдвиги в экономике, трансформация социальных структур при всей их значительности, еще не привели к полному преодолению досоциалистических форм жизненного уклада, а потому и в развитии форм общественного сознания не всегда удастся избежать нежелательных перекосов. Рост национального самосознания естественным образом приводит к возрождению традиционных

духовных ценностей, но это нередко принимает гипертрофированные формы. Древние народные традиции, элементы досоциалистического и даже докапиталистического строя жизни (родо-племенные подразделения, брачные ограничения, формы семьи, религиозные предписания и запреты, обязанности, диктуемые семейно-родотвенными узами, власть старших и пр.), отжившие обычаи и ритуалы (свадьба и похороны с элементами религиозной обрядности, калым, обрезание, исламские праздники и т.п.) – все это приобретает значение этнических и религиозных символов и в этом качестве оказывается вне критики, не оценивается с точки зрения соответствия изменившимся условиям жизни, более того, нередко выступает в качестве критериев оценки различных сторон современной социальной реальности.

Для обыденного сознания людей, живущих в иноэтническом окружении, вообще довольно характерно осмысление социальных проблем в терминах и понятиях межэтнических отношений. Неизбежная проблемность развития, а тем более трудности, порождаемые субъективными ошибками и просчетами, вменяются в вину представителям других этносов, а преодоление проблем видится на путях следования национальным традициям. В конкретных условиях Средней Азии порождаемые таким стихийно возникающим взглядом на события националистические настроения усиливаются действительно имевшими место фактами национальных привилегий то одних, то других национальных групп, коррупции на национальной, а иногда даже на родо-племенной основе, искривлениями в кадровой политике и т.п. Не раз отмечались также неудовлетворительность работы по интернациональному воспитанию, заметное влияние мусульманского духовенства и мусульманской идеологии (с чем связано распространение представ-

лений о якобы неразрывном единстве национального и религиозного у всех жителей Средней Азии — мусульман), фальсификаторской пропаганды из-за рубежа (в частности, распространения пантюркистских идей в радиопередачах "Голоса Турции" и панисламских — "Голоса Ирана").

Разумеется, нет оснований преувеличивать влияние националистических настроений на общественную жизнь среднеазиатских республик, чрезмерно драматизировать ситуацию, поскольку идеология интернационализма в целом прочно вошла в сознание большинства населения. Но в то же время нельзя не видеть, что эти настроения получили довольно широкое распространение, достигли немалой степени агрессивности, оказывают заметное влияние на общественное мнение и морально-психологический климат и могут сыграть роль серьезного тормоза столь необходимого Средней Азии ускорения социально-экономического развития. В предыдущем разделе уже говорилось об усиливающихся процессах вытеснения из региона некоренного населения, что приводит к потере квалифицированных кадров, — здесь сказывается, в частности, действие механизма подбора кадров, приема в учебные заведения не по деловым качествам, а по национальной принадлежности. Не способствует решению стоящих перед среднеазиатскими республиками задач и то, что в сознании части населения современная индустриально-городская культура, имеющая общеевропейское происхождение, ассоциируется с русской культурой, а ее исторически неизбежное распространение, обусловленное социально-экономическими преобразованиями, воспринимается как следствие якобы насильственной русификации, что порождает негативную реакцию в сознании и обостряет отрицательное отношение к индустриальному труду, городским формам общения, ко всем переменам вообще.

Нынешнее далеко не простое положение в сфере общественного

сознания в Средней Азии обусловлено множеством факторов, имеет корни и в историческом прошлом и в явлениях недавних десятилетий. Но все же главное значение имеет современная социальная структура населения региона, преобладание сельского населения среди коренных народов, относительная малочисленность и недостаточная зрелость рабочего класса, стало быть и преодоление негативных тенденций в идеологии и культуре, в массовом сознании возможно прежде всего на путях ускоренного экономического и социального развития среднеазиатских республик.

Возможные стратегии дальнейшего развития^{х)}. Определение стратегии развития включает в себя оценку сложившейся ситуации, постановку целей (сохранение ситуации или ее изменение в том или ином направлении), выбор реалистичных средств достижения поставленных целей, прогнозирование возможных побочных последствий реализации данной стратегии. Учитывая масштабы Средней Азии, разнообразие условий и сложность существующих здесь проблем, нельзя рассчитывать на то, что можно выработать и успешно осуществить какую-нибудь единую в деталях стратегию для всего региона. Однако основные элементы такой стратегии, учитывающей общие для всего региона главные, основополагающие черты его прошлого и современного развития, вероятно, могут быть намечены. Ее выбору должны предшествовать анализ и сопоставление различных полностью или частично альтернативных вариантов стратегий, отражающих разное видение современной ситуации и целей дальнейшего развития, имеющих разную ресурсоемкость и конечную результативность и т.д. На нынешнем этапе изучения проблемы подробное рассмотрение таких вариантов не возможно. Можно лишь в самых общих чертах сформулировать основные альтернативы, очертить главные "модели" развития и тем самым ограничить область возможного выбора. Ниже рассматриваются три такие модели,

х) Раздел написан совместно с С.В.Чешко.

обобщенные, схематизированные стратегии развития, Главным образом для удобства ссылок при последующем обсуждении им присвоены в высшей степени условные названия: "эволюционная", "реформационная" и "революционная" модели.

"Эволюционная модель".

Признается, что современное развитие Средней Азии идет в целом нормально. Имеются определенные трудности, но это неизбежные трудности развития, в целом ситуация не заслуживает серьезной критики. Отличие от европейских республик СССР ни о чем не говорит. Средняя Азия не обязательно должна развиваться по их образу и подобию. В условиях Востока может существовать какой-то особый вариант развития социалистического общества, современной экономики. Целесообразно с максимальной выгодой использовать местные особенности, национальные хозяйственно-культурные и социально-культурные традиции. Применение "хирургических" мер в социальной политике, "насилие" над этими традициями недопустимо, следует ориентироваться на естественную эволюцию социальных отношений и культуры среднеазиатских народов.

Модель не предполагает массового перемещения трудовых ресурсов из села в город, опережающего развития крупного промышленного производства и больших городов, Концепция экономического развития исходит из того, что в данных конкретных условиях его успешность характеризуется не только уровнями индустриализации и урбанизации. Проводится курс на создание высокоэффективного агропромышленного комплекса, включающего предприятия легкой промышленности (в значительной степени небольшие, приближенные к местам производства сельскохозяйственной продукции, которую они перерабатывают). Ставится задача интенсификации сельского хозяйства и его превращения в перспективе в отрасль промышленного производства (по уровню технологии,

производительности и условиям труда).

Процесс аграрного перенаселения и спонтанной миграции в города или за пределы республики специально не регулируется. Допускается и поощряется всемерное развитие личных подсобных хозяйств. В области социальных отношений не предпринимается никаких попыток их радикальной трансформации (например, парцелляризации семейно-родственных и общинных структур, изменения типа воспроизводства населения и т.п.). Напротив, эти структуры интегрируются в экономическую систему, например, в виде семейных производственных коллективов, работающих на подряде, кооперативов личных подсобных хозяйств и т.п.

Одно из главных преимуществ "эволюционной" стратегии — ее сравнительно малая ресурсоемкость. Она может реализовываться в значительной степени за счет внутренних ресурсов, не требует ломки сложившихся тенденций и, по существу, представляет собой их дальнейшее развитие. Поэтому она кажется реалистичной, а к числу не важных достоинств, на первый взгляд, относится ее социальная безболезненность.

Надо, однако, сразу сказать, что успешная реализация подобной стратегии пока не имеет исторических прецедентов, а ее реалистичность не подтверждается каким-либо опытом. Расчет на то, что в условиях социализма все возникающие проблемы получают автоматическое разрешение, может оказаться утопическим, а ее предполагаемая безболезненность — мифом. Нарастание противоречий между интенсификацией сельскохозяйственного производства и избыточностью трудовых ресурсов, между наличием свободной рабочей силы и недостаточной развитостью неаграрного сектора, слабой отраслевой и территориальной диверсифицированностью производства и т.д. может привести к экономической стагнации, обострению социальных проблем,

массовому росту недовольства, приобретающего к тому же архаичные формы выражения (религиозно-этническую окраску и пр.), политической напряженности в регионе.

"Реформационная модель"

Современная ситуация в Средней Азии получает достаточно критическую оценку, признается желательность ее сближения с европейскими республиками по типу экономического, социального и демографического развития, преодоления, условно говоря, "руралистической" ориентации развития над "урбанистической". Но, как и при принятии "эволюционной стратегии", насильственная ломка сохраняющих сильную традиционную окраску хозяйственных и социокультурных структур считается недопустимой или, во всяком случае, нежелательной. Главный путь — расширение свободы экономического и культурного выбора за счет повышения конкурентоспособности городского образа жизни, общей привлекательности города, улучшения условий труда в промышленности и т.д.

При "реформационной" стратегии население привлекается в города, но не выталкивается из деревни. Стало быть, ее реализация предполагает достижение резкого превосходства городских условий жизни над сельскими, что сопряжено с огромными материальными затратами, причем получение отдачи от них отодвигается в довольно отдаленное будущее. Даже если бы необходимые ресурсы удалось изыскать (скорее всего, за пределами региона), значительное повышение конкурентоспособности городских форм жизни в масштабах всей Средней Азии потребует длительного времени, на практике будет реализовываться инерционная "эволюционная" стратегия, что может повести к укреплению тех ценностей, альтернативу которым как раз и должны составить "городские" ценности. (Правда, не исключено и обратное: обес-

ценивание традиционных ценностей, не выдерживающих столкновения с реальными проблемами, острота которых будет нарастать.

В целом "реформационная" стратегия представляется утопической как с экономической, так и с социальной точек зрения. С экономической — потому что нет ресурсов, которые могли бы тратиться впустую, с расчетом на отдаленную отдачу. С социальной — потому что он предполагает существование "внешних" социальных сил, заинтересованных в реализации такой стратегии (само среднеазиатское общество, развиваясь по "реформационной" модели, таких сил породить не будет).

"Революционная модель"

Современные тенденции развития Средней Азии получают резко критическую оценку, дальнейшее отставание среднеазиатских республик от европейских признается нетерпимым и ставится задача форсированного развития региона, ориентированного на как можно более быстрое преодоление существующего разрыва. "Революционная" стратегия предполагает кардинальную переоценку ценностей, резкое повышение социальной, профессиональной, территориальной и других видов мобильности населения, ломку устаревших традиционных структур и т.д. Основными критериями успешности такой стратегии служат темпы индустриализации и урбанизации, формирования современных экономических и социальных структур.

Привлечение населения в сферу индустриального труда и в города сопровождается интенсивным вытеснением его из сельского хозяйства и сельской местности, осознанием очень значительной частью сельского населения необходимости отказа от прежнего образа жизни, в конечном счете, — резким расширением социальной базы необходимых среднеазиатским республикам преобразований.

Основные средства реализации "революционной" стратегии — экономические. Они должны способствовать ликвидации препятствий, тормозящих проявления аграрного перенаселения, объективно существующего во многих районах Средней Азии; дать ему возможность выступить в своей обычной роли механизма формирования рынка рабочей силы, важнейшего фактора индустриализации и урбанизации.

В рамках рассматриваемой модели базой индустриализации в Средней Азии становится опережающая интенсификация сельского хозяйства, ведущая к высвобождению значительного числа рабочих рук. Одновременно — это очень сложный вопрос — необходимо сделать невозможным поглощение высвобождающихся трудовых ресурсов сферой личного подсобного хозяйства. Для этого оно должно стать экономически невыгодным или, во всяком случае, относительно невыгодным.

Это может быть достигнуто с помощью налоговой политики путем изъятия земельной ренты, за счет нарастающей конкуренции со стороны общественного сектора сельского хозяйства, давления со стороны потребительской кооперации и т.п.

"Революционная" стратегия имеет то преимущество перед двумя, рассмотренными ранее, что она основывается на использовании неоднократно проявивших себя в истории объективных механизмов социально-экономического развития и потому выглядит более реалистичной. Но исторический опыт указывает и на то, что подобный путь никогда не бывает безболезненным, оставляет глубокие шрамы на теле общества. Конечно, действие аграрного перенаселения в наших условиях принципиально отличается от его действия при капитализме, где оно сопровождается обнищанием и разорением крестьянства, его обезземеливанием, нарастанием социальных антагонизмов. В Средней Азии основа таких антагонизмов — частная собственность на землю и другие средства производства — отсутствует. Однако едва ли мож-

но ожидать, что "выталкивание" населения из сельского хозяйства и его последующая адаптация к новым условиям — будь то условия индустриального труда и городской жизни внутри своих республик или соседних республик региона либо какие-то другие условия за его пределами — пройдет абсолютно гладко. Соответственно никак нельзя исключить серьезных реальных трудностей, с которыми столкнутся многие миллионы людей, а потому возникновения отрицательной реакции со стороны части населения на соответствующие социальные программы. В совокупности с отмеченными выше тенденциями в области общественного сознания такая реакция может обострить политическую ситуацию в регионе, вовлечь значительные слои населения в сферу влияния националистической идеологии, иметь другие трудно прогнозируемые последствия.

Все три описанные модели представляют собой идеальные схемы, которые никогда не были и не будут реализованы в чистом виде. В действительности неизбежно реализуется сочетание всех трех стратегий, и говорить можно лишь о соединении в той или иной пропорции элементов различных стратегий, о большем или меньшем преобладании какой-либо из них. Соответственно и предпочтение, отдаваемое одному из трех путей, не должно означать полного отказа от двух остальных, только сочетание всех возможных путей развития позволяет выработать достаточно гибкую, "районированную" стратегию, дифференцированно подойти к решению каждого конкретного вопроса, учесть особенности места и времени, этническую специфику населения, хозяйственно-культурные традиции. Такой подход избавит от издержек излишней универсализации и централизации, поможет смягчить неизбежные при проведении любых реформ оппозиционные настроения.

При выборе стратегий развития следует остерегаться волюнтаристских решений. Свобода выбора ограничена целым рядом объективных обстоятельств, недостаточный учет этих ограничений может привести к нежелательным, часто непредсказуемым последствиям, выбранная стратегия может оказаться нереализуемой или, реализуясь, приведет одновременно к таким непланируемым результатам, негативное значение которых в той или иной степени обесценит полученный позитивный эффект.

Серьезным ограничением возможностей выбора будущего служит уже сама нынешняя ситуация, сложившиеся тенденции развития. Прошлое очень сильно влияет на будущее, во многом предопределяет его. Конечно, всякая преобразующая деятельность направлена на преодоление отживших элементов прошлого, но наиболее эффективный путь заключается, по-видимому, не в полном отказе от прошлого, не в его разрушении, а в его "снятии" (в философском смысле этого понятия), во включении его в трансформированном виде в настоящее и будущее. А это значит, что элементы прошлых (и нынешних) отношений, хозяйственных, социокультурных и т.п. структур и форм становятся составной частью будущего, воздействуют на порождаемые этим будущим новые отношения, структуры и формы, в большей или меньшей мере предопределяют пути их формирования и развития независимо от воли и желания социальных проектировщиков.

С другой стороны, сами новые формы, с которыми все-таки в преобладающей степени связано будущее развитие, также накладывают достаточно жесткие ограничения на возможности выбора альтернативных стратегий. Скажем, определяя стратегию индустриализации с учетом нынешней среднеазиатской специфики, нельзя не считаться и с объективными экономико-технологическими требованиями современной промышленности: стоимостью создания одного рабочего места в разных

отраслях, желательными размерами предприятий, наукоемкостью тех или иных производств, другими многообразными требованиями, игнорирование которых ведет к низкой эффективности работы промышленности и, в конечном счете, резко снижает экономический и социальный эффект индустриализации.

Часто предлагаемое размещение сравнительно небольших предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья в местах концентрации сельского населения – вероятно, возможный паллиативный путь развития промышленности, учитывающий специфику нынешней среднеазиатской ситуации. Однако в какой мере он учитывает требования самой промышленности даже и легкой? Мировой и отечественный опыт показывает, что тон развития промышленности всегда задают крупные многоотраслевые промышленные центры, достаточно крупные предприятия, концентрирующиеся обычно в больших городах. Когда такие центры есть, под их влиянием и в зависимости от них могут успешно функционировать и мелкие предприятия на периферии. Но в Средней Азии таких центров мало, они, как правило, недостаточно развиты, поэтому трудно рассчитывать и на высокую экономическую эффективность дисперсных малых предприятий. Сомнительна и их социальная эффективность – скорее всего, они будут способствовать не преобразованию, а укреплению нынешней социально-экономической структуры сельской Средней Азии, станут еще одним фактором, маскирующим аграрное перенаселение, повысят жизнеспособность отживающих хозяйственно-культурных форм. Такой путь индустриализации лучше всего вписывается в рамки охарактеризованной выше "эволюционной" модели развития. Не решая кардинальных задач, стоящих перед Среднеазиатским регионом, такой путь может, вероятно, получить только ограниченное распространение, сочетаясь с другими путями, несущими региону более радикальные перемены.

В качестве одного из них можно было бы рассмотреть создание крупных промышленно-аграрных синдикатов (объединяющих производство и переработку хлопка, доведенную до производства тканей и швейных изделий, а может быть и производство машин для сбора и переработки хлопка), имеющих выход на внешний рынок и заинтересованных прежде всего в высокой рентабельности на всех стадиях производства. Такие синдикаты, помимо всего прочего, могли бы первыми осуществить коренную рационализацию хлопководческих хозяйств, превратить выращивание хлопка в отрасль, организованную на тех же началах, что и промышленность, и заложить тем самым основы революционного переворота во всем хлопководстве региона. Такой вариант развития, будучи гораздо более капиталоемким, чем предыдущий, в силу ограниченности фонда накопления да и по другим причинам, о которых говорилось ранее, также не может стать единственным. Вначале он, по-видимому, может быть лишь исключением, а не правилом. Но если он окажется жизнеспособным, его преобразующее воздействие на все стороны жизни региона будет весьма значительным, а высокая экономическая эффективность позволит ему получить широкое распространение. По своему общему смыслу он соответствует "революционной" стратегии развития.

Подобные же соображения можно высказать и по поводу возможных стратегий урбанизации. В качестве ее генерального направления можно представить себе, как это иногда делают, преимущественное развитие малых и средних городов, урбанизацию сельских поселений на базе создания местной промышленности. Преимущество этого пути — постепенность, поэтапность преобразования образа жизни и социальной психологии сельских жителей, а на первый взгляд, и относительная дешевизна (поскольку принято считать, что крупные города обходятся обществу гораздо дороже малых и средних). Однако в расчете

на единицу социального эффекта это, скорее всего, не так. Развитие сети малых и средних городов, небольших поселений городского типа, в которых были бы созданы условия удовлетворения материальных и духовных потребностей на уровне больших городов (если это вообще возможно) сопряжено с распылением средств и, в конечном счете, с очень большими затратами, даже если бы речь шла о городском населении в его нынешней численности (сейчас в городских поселениях с числом жителей до 250 тыс. человек живет около 8 млн. человек или 63% всего городского населения Средней Азии). Но в ближайшие 20-25 лет городское население региона по меньшей мере удвоится, возрастет на 12-15 млн. человек, а может быть и больше. Если при этом сделать ставку на преимущественное развитие малых и средних городов и, соответственно, на равномерное распределение ресурсов между ними, то это привело бы к сохранению полусельского типа большинства городских поселений региона, не позволило бы создать подлинных полюсов городского роста, активных очагов распространения городских ценностей и городской культуры, способствовало бы консервации и усилению социокультурных традиций среднеазиатских народов.

Таким образом, ориентация на преимущественное развитие малых и средних городов в целом соответствует "эволюционной" стратегии. Ей противостоит ориентация на опережающее развитие крупных городских центров. Они способны наиболее радикально и относительно быстро (возможно, за два-три поколения) разрушить традиционные социальные структуры и нормы поведения, так что этот путь, по своему смыслу, соответствует "революционной" модели развития. Создание крупных городских центров позволяет сконцентрировать ресурсы на главных "полюсах роста" и тем самым повысить эффективность их использования.

Нельзя, однако, не видеть и существенных издержек этого пути. Быстрый рост крупных городов неизбежно сопровождается деградацией городской среды (из-за неодновременности формирования ее различных элементов, ограниченности средств и т.п.), резкой ломкой традиционного уклада жизни, ценностных ориентаций и этических норм. Все это чревато разного рода трудностями адаптации к городской жизни, психологическими стрессами и социальными проблемами (социальный нигилизм, разлад брачно-семейных отношений, преступность, пьянство, наркомания и т.п.). Однако предвидение возможности появления подобных явлений позволяет если не исключить их полностью, то, по крайней мере, разработать программу их профилактики, свести к минимуму их отрицательный эффект и повысить тем самым общую социальную результативность крупногородского развития.